

И. Скворцов

**Нравственные и житейские идеалы
современного материализма**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1880. № 7-8. С. 138-167.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Правственные и житейскіе идеалы современнаго матеріализма.

Печальныя событія послѣдняго времени невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе всѣхъ. Герои пожаровъ и взрывовъ, поборники динамита и револьвера, возбуждая всеобщее негодованіе своими поступками, заставляютъ иныхъ недоумѣвать, въ какой средѣ, подъ какими вліяніями воспитались эти злодѣи, на какой почвѣ возросло это ядовитое зелье. Не рѣдкость встрѣтить мнѣніе, что всѣ безумныя дѣла современныхъ революціонеровъ — нечто иное, какъ плодъ душевнаго разстройства, слѣдствіе какой-то повальной эпидеміи безумія, охватившей фанатиковъ социализма. Чаше другихъ говорить на эту тему люди, отрицающіе свободу и все духовное въ человѣкѣ. А между тѣмъ, если внимательнѣе взглянуть въ существо социализма, то не трудно открыть его истинный источникъ. Онъ — дитя современнаго матеріализма, логическое развитіе его идей и примѣненіе ихъ къ практикѣ. Напрасно отрекаются иные материалисты отъ родства съ социалистами, и говорятъ объ ихъ злодѣяніяхъ съ лицемернымъ ужасомъ. Напрасно одинъ изъ столповъ и родоначальниковъ матеріализма настоящаго времени — Молешоттъ, какъ бы провидя печальныя послѣдствія отъ усвоенія идей матеріализма, говорятъ, что онъ презираетъ тѣхъ людей, которые обижаютъ другихъ, что это противно человѣчеству, что для потребностей человѣческаго рода не нужно потворства страстямъ и т. д. ¹⁾.

¹⁾ «Материалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма. Собраны изъ вѣстечныхъ источниковъ», Спб., 1864 г., стр. 82. Здѣсь находится свѣдѣніе о наиболее характерныхъ издержкахъ изъ сочиненій представителей современнаго матеріализма. Отсюда приводятся цитаты и далѣе.

«Не то сказали бы матеріалисты, если бы попытались уяснить себя и другимъ естественныя послѣдствія своихъ теорій. Имъ тогда пришлось бы волей-неволей сознаться въ своей солидарности съ дѣятелями социализма. Но они сторонятся отъ этого, и, при всей рѣзкости основныхъ началъ своего міровоззрѣнія, не выясняютъ практическихъ его послѣдствій. Въ этомъ можно видѣть одну изъ причинъ того прискорбнаго явленія, что, хотя теоретическія основанія матеріализма давно уже подвергнуты всесторонней критикѣ, хотя давно уже доказана ихъ научная несостоятельность, — это однако мало способствуетъ уменьшенію сторонниковъ матеріализма. Орудіемъ успѣха матеріалистовъ служить не одно соотвѣтствіе ихъ идей съ чувственными истинками и наклонностями толпы, но и умѣнье ихъ замаскировать, скрыть наиболѣе отталкивающіе выводы своихъ теорій. Это, быть можетъ, всего болѣе способствовало образованію мнѣнія, раздѣляемаго многими, что можно быть послѣдователемъ матеріализма и въ то же время оставаться нравственнымъ человѣкомъ. Этимъ объясняется и то, что люди, иногда даже имѣющіе мало родственнаго съ матеріалистами, раздѣляютъ однакоже матеріалистическія мнѣнія, что „эгоизмъ есть великая сила, возраставшая роскошное древо современной цивилизаціи“, что личная польза въ сущности — основа всѣхъ общественныхъ отношеній, что стремленіе къ наслажденіямъ — главный рычагъ человѣческой дѣятельности и т. д. Многими не подозрѣвается вовсе тѣсная связь воззрѣній подобнаго рода съ основными положеніями матеріалистической морали, а тѣмъ болѣе сродство послѣдней съ идеями социализма — съ тѣми идеями, которыя побуждаютъ социалистовъ къ ихъ безумнымъ дѣяніямъ и которыми питаются кружки анархистовъ. Цѣль настоящей нашей статьи уяснить, въ видѣ указанныхъ недоразумѣній, подлинные житейскіе и нравственные идеалы матеріализма, и показать, какія слѣдствія для жизни вытекають съ логическою необходимостію изъ его положеній.

I.

«Человѣкъ по словамъ Молепотта—итогъ всѣхъ вещественныхъ совокупныхъ дѣйствій, производящихъ его тѣло; онъ—произведение родителей, кормилицы, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды. Его воля—необходимое послѣдствіе этихъ причинъ—прикована къ естественному закону, какъ растеніе къ своей почвѣ. Добродѣтели и пороки, мужество и трусливость, вѣрность и измѣна—все это естественныя явленія; всѣ они, какъ необходимыя слѣдствія, стоятъ въ прямомъ отношеніи къ необходимымъ причинамъ, точно такъ же какъ обращеніе земнаго шара (стр. 108, 111, 206).—Свободной воли, прямо заявляетъ вѣсть съ другими Геккель, не существуетъ. Тѣ явленія, которыя обыкновенно считаются самыми свободными и независимыми обнаруженіями человѣческой воли, подчинены такимъ же твердымъ и неизмѣннымъ законамъ, каковы законы, управляющіе всѣми другими явленіями природы. По закону необходимой причинности не можетъ быть ни праваго ни виноватаго, ни добродѣтели ни порока, ни добра ни зла; надъ всѣмъ господствуетъ неумолимая и неизбѣжная судьба; человѣкъ есть только рабъ бездушной тиранніи, рабъ силы и матеріи... (см. „Христ. Чт.“ 1880 г. I, 9). Добро и зло, говоритъ другой представитель матеріализма настоящаго времени, исходятъ изъ свойствъ человѣческой природы, которая сама не зависитъ отъ человѣка. Отвѣтственность, вѣняемость, которую мораль, уголовные законы и еще Богъ знаетъ это—хотятъ наложить на насъ, не существуетъ (Фохтъ, стр. 112). Человѣку поэтому все позволено, что только возможно для удовлетворенія его естественныхъ побужденій. Неразумно и не пользоваться этимъ удовлетвореніемъ, гдѣ это возможно. Благо то, что соответствуетъ потребностямъ человѣка. Въ природѣ человѣка заключается масштабъ его дѣятельности (Фейербахъ, стр. 119).

«Въ этихъ выдержкахъ изъ сочиненій наиболѣе извѣстныхъ представителей и родоначальниковъ современнаго матеріализма видѣтся основаніе и сущность ихъ воззрѣній на нравственный чело-
вѣкъ. Очевидно матеріализмъ отрицаетъ всякую

правственность, вообще все, что обыкновенно привыкли разумѣть подъ этимъ словомъ, или, лучше сказать, ставить на ея мѣсто свою правственность — *естественную*, какъ называютъ ее матеріалисты, узаконяетъ жизнь человека по влеченіямъ и побужденіямъ его чувственной природы, совершенно свободной отъ всѣхъ нравственныхъ обязанностей и правилъ.

Матеріалисты однако сторонятся отъ упрека, что своимъ ученіемъ они освящаютъ произволъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ со всѣми его невыгодными послѣдствіями для частной и общественной жизни. Защитою въ данномъ случаѣ служить имъ отрицаніе свободы воли въ человѣкѣ, ученіе о всецѣлой зависимости нравственныхъ убѣжденій и поступковъ человека отъ внѣшнихъ условій жизни. Дѣятельность человека, по ихъ воззрѣніямъ, опредѣляется вліяніями окружающей его природы; законы же природы неизмѣнны, такимъ же характеромъ должна слѣдовательно отличаться въ общемъ и дѣятельность человека. Отсюда-то и происходитъ та механическая правильность, которую можно будто бы наблюдать въ образѣ дѣйствій каждаго общества, та одинаковость въ количествѣ ежегодно совершающихся преступленій и другихъ проявленій свободной воли человека, о которой свидѣлствуютъ факты статистики. Моральныя побудительныя причины, истекающія изъ вѣры въ Бога, имѣютъ — по замѣчанію Бюхнера — почти незамѣтное вліяніе на дѣла человѣческаго общества. Такимъ образомъ и съ изъятіемъ ихъ изъ души человека нравственность не пострадаетъ; дѣятельность людей нисколько отъ того не измѣнится, въ общемъ жизнь человѣчества потечетъ также, пойдетъ тѣмъ же путемъ, что и теперь; сумма добра и зла не увеличится и не уменьшится на землѣ, и добрыя дѣла и преступленія будутъ совершаться въ томъ же количествѣ, какъ и въ настоящее время. Можно даже надѣяться (по словамъ Бюхнера), что съ постепеннымъ развитіемъ органическаго міра постоянно будетъ улучшаться и состояніе человѣчества, особенно въ виду того, что съ принятіемъ идей матеріализма человекъ пріобрѣтетъ спокойствіе духа, постоянно будто бы теперь нарушаемое въ немъ идеями противоположнаго характера. Вѣроятно въ ожиданіи этаго лучшаго будущаго, того царствія матеріализма,

пришествія котораго чають его поклонники, Молепоттъ и совѣтуетъ человѣку усвоить себѣ правила, полагаемыя матеріализмомъ для нравственной дѣятельности человѣка, рекомендуетъ ему „радостное сознаніе естественной необходимости своего существованія, своего положенія, своихъ потребностей, правъ и требованій, предѣловъ и обширности своего круга дѣйствій“.

Но это первое и основное требованіе теоріи естественной нравственности и оказывается прежде всего несообразнымъ съ психическими свойствами человѣческой природы, сопровождаясь вовсе не тѣми „радостными“ для человѣка послѣдствіями, какихъ ожидаютъ матеріалисты.

Сознаніе того, что мы обладаемъ извѣстною властію какъ надъ своими побужденіями и стремленіями, такъ и надъ своими ощущеніями, чувственными наблюденіями и представленіями, имѣя возможность вызывать ихъ или задерживать, оставлять или отталкивать, сознаніе того, что мы обладаемъ извѣстною властію надъ движеніями своего тѣла, вообще надъ своими дѣйствіями и поступками,—неистребимо въ насъ. Это убѣжденіе господствуетъ вездѣ, гдѣ только оно ради особенныхъ интересовъ и желаній, въ угоду тѣмъ или другимъ принципамъ и вѣрованіямъ, не поколеблено, не отвергнуто по крайней мѣрѣ въ теоріи; потому что ни одинъ, и самый рѣшительный матеріалистъ, въ теоріи совершенно отрицающій свободу воли, на дѣлѣ не можетъ отрѣшиться отъ сознанія свободы рѣшенія, хотя бы и считалъ его лишь фикціей. Кто не находитъ въ себѣ этого сознанія, тому нельзя и отрицать свободы, потому что у него не можетъ быть и представленія о ней; его незнанію въ данномъ отношеніи нельзя и помочь, какъ невозможно дать слѣпому понятія о цвѣтахъ. Поэтому трудно и даже невозможно представить себѣ человѣка безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій, съ сознаніемъ, что каждое дѣйствіе его есть необходимый результатъ извѣстныхъ вѣншихъ вліяній.

Съ другой стороны, если по воззрѣніямъ матеріалистовъ наше сознаніе свободы воли — простая фикція ума и слѣд. самая свобода — иллюзія, то и всякому другому содержанію нашего сознанія должна угрожать та же судьба. Почему въ самомъ дѣлѣ не считать

фигкціей и сознаніе того, что въ насъ есть представленія, мысли и т. д.? Если же отрицаніе не можетъ заходить такъ далеко, то (согласно основному принципу матеріализма — отрицанію свободы воли) оно должно простирается по крайней мѣрѣ на волю въ самомъ ея внутреннемъ источникѣ. { Впрочемъ матеріалисты отчасти такъ и дѣлаютъ. Человѣкъ, по ихъ взглядамъ, ни на одно мгновеніе не можетъ выдти изъ безусловной и всесторонней зависимости отъ среды, его окружающей; всякое его представленіе и влеченіе, всякая рѣшимость воли возникаютъ въ немъ безъ его содѣйствія и воли. А при этомъ послѣдняя очевидно оказывается уже вовсе ненужною для человѣка и даже вовсе несуществующею въ немъ, такъ какъ этимъ отказывается человѣку не только во всякомъ самоопредѣленіи и самодѣятельности, но и во всякой самостоятельности. Человѣкъ здѣсь оказывается уже не дѣйствующею личностію, а только мѣстомъ, въ которомъ происходитъ естественный процессъ. Ояъ — простое мимолетное явленіе въ общемъ движеніи бытія и жизни, существо пассивное, страдательное, жизнь и дѣятельность котораго должна обнаруживаться лишь въ непроизвольной и безсознательной реакціи противъ вліяній на него окружающаго міра...

Съ Повятно, что невозможно найти человѣка съ такими странными нечеловѣческими качествами. Равнымъ образомъ едвали кто захочетъ всецѣло приблизиться къ этому идеалу совершеннаго человѣка по воззрѣніямъ матеріализма, не исключая и самихъ проповѣдниковъ необходимости всего совершающагося въ мірѣ. Сколько бы ни указывали матеріалисты на законъ причинности, „изъ котораго въ цѣлой дѣйствительности не можетъ быть исключенія“, дѣйствию котораго подлежить поэтому и душевный міръ человѣка, каждому, одаренному только простымъ здравымъ смысломъ, будетъ всегда ясно, что побужденія и вліянія окружающей среды не навязываются намъ и нашему сознанію насильно, какъ вынудительныя причины, а только съ одной стороны возбуждаютъ нашу самодѣятельность, съ другой, — только благодаря ей же, дѣлаются направлятелями нашихъ поступковъ, которые потому и являются нашему сознанію свободными. Вопреки всѣмъ толкамъ матеріалистовъ о всецѣлой зависимости человѣка отъ природы, этотъ „рабъ силы и матеріи“

никогда не перестанетъ дѣйствовать на окружающій міръ и полагать границы вліянію своей „владычицы“ — природы. Столь же свободнымъ будетъ онъ чувствовать себя и во внутреннемъ своемъ мірѣ. Факты статистики не могутъ поколебать убѣжденія въ томъ. Они указываютъ только, что одни и тѣ же побужденія дѣйствуютъ на *однородную массу* людей одинаково и она уступаетъ ихъ вліянію, удовлетворяя имъ также одинаково. Но *какъ* она уступаетъ, свободно или несвободно подчиняются даннымъ вліяніямъ лица, составляющія ее, въ силу ли однихъ внѣшнихъ условій число преступныхъ дѣяній не переходитъ извѣстныхъ предѣловъ, или же причиною тому служатъ нравственные мотивы, — этого статистика не рѣшаетъ, это внѣ предѣловъ ея вѣдѣнія. Она рассматриваетъ человѣческія дѣйствія только въ ихъ явленіяхъ, а не со стороны внутреннихъ побужденій. — Между тѣмъ сущность вопроса и заключается именно въ томъ, чтобы рѣшить, можетъ ли самый сильный волею человѣкъ, при крѣпости и живучести въ немъ нравственныхъ началъ, устоять въ борьбѣ съ вліяніями „воздуха, свѣта“ и другихъ факторовъ внѣшней природы, которыхъ матеріалисты считаютъ учителями зла и преступленій среди человѣчества, или же и онъ долженъ пасть въ борьбѣ, наравнѣ съ большинствомъ, которое, быть можетъ, потому и идетъ по дорогѣ преступленій, что мало или почти вовсе не борется съ обстоятельствами, располагающими къ преступнымъ дѣяніямъ? — Весьма важно было бы рѣшить, всѣ ли въ массѣ, поставленной извѣстный контингентъ преступниковъ, безразлично поддаются вліянію внѣшнихъ мотивовъ, располагающихъ человѣка къ тому или другому дѣйствію, неволью повинуваясь дѣйствію физическихъ законовъ въ силу роковой необходимости, или же только люди съ слабою волею, безхарактерные. Какъ говорятъ, тѣ наконецъ, которые въ силу какихъ либо причинъ не дали себѣ труда противиться вліянію окружающей среды, почти такъ сказать не пользуясь или же прямо злоупотребляя свободою, которая дана человѣку и дана на благо, которая составляетъ отличительную принадлежность разумаго существа?... Статистика беспильна въ рѣшеніи данныхъ вопросовъ. Она устанавливаетъ болѣе нагляднымъ образомъ, и безъ того никѣмъ не оспариваемый, фактъ

воздѣйствія вѣтшей природы на природу человѣка и — только. Непреложнымъ указателемъ того, свободно или несвободно подчиняется человѣкъ вѣтшнимъ вліяніямъ и можетъ ли онъ, *если захочетъ*, не подчиниться имъ, служить лишь психологическій опытъ, непосредственное сознаніе, которое и говоритъ *каждому*, что онъ свободенъ въ каждый моментъ своей сознательной жизни. а потому и становится отвѣтственнымъ за свои дѣйствія. Это сознаніе каждый легко можетъ провѣрить собственнымъ опытомъ и наблюденіями надъ жизнію другихъ.

Ясно отсюда, что причины человѣческихъ дѣйствій лежатъ не внѣ, а внутри человѣка. Вѣтшія причины могутъ располагать его къ дѣйствію, но онъ можетъ имъ подчиняться и неподчиняться, смотря по тому, какое направленіе приметъ его свободная воля, какія онъ выработаетъ для себя правила нравственности. Что въ самомъ дѣлѣ удерживаетъ массу бѣднаго обездоленнаго люда отъ преступныхъ покушеній на чужую собственность и жизнь, какъ не тѣ идеи, которыя матеріалисты считаютъ нарушающими „спокойствіе“ человѣка, не тѣ правила религіи, правила истинной нравственности, въ которыхъ человѣкъ воспитывается съ дѣтства. съ которыми онъ сродняется душою, которыя дѣлаются его второю природою, пересиливая чувственные инстинкты и побужденія его физической природы? Можетъ ли кто нибудь поручиться, что, съ устраненіемъ этихъ *внутреннихъ* препятствій преступленіямъ, число послѣднихъ не увеличится въ ужасающей степени, вопреки всякимъ выводамъ статистики о постоянствѣ въ количествѣ явленій этого рода при одинаковости вѣтшнихъ условій для ихъ возникновенія?... Отдавать предпочтеніе вѣтшнимъ вліяніямъ сравнительно съ разнаго рода моральными побудительными причинами дѣйствій значить намѣренно игнорировать тѣ факты изъ исторіи человѣчества, которые свидѣтельствуютъ, что часто одна, неосторожно зароненная въ умы людей идея могущественно волновала ихъ и воспламеняла народныя страсти. Въѣтъ извѣстны времена реформациі, послѣдняя четверть XVIII столѣтія и перемѣны, происшедшія тогда въ жизни людей. Также свѣтили солнце и луна, по прежнему мерцали звѣзды на сводѣ небесномъ, не измѣнялись вѣтшія условія

жизни, но измѣнялось лицо земли подъ вѣянiемъ новыхъ идей, воспринятыхъ умами людей.

Если мы даже согласимся съ воззрѣнiями матеріализма, что дѣятельность человѣка опредѣляется необходимо вѣшними условiями окружающей его среды, то и въ этомъ случаѣ мы должны всетаки признать, что эти условiя не прямо и непосредственно побуждаютъ человѣка къ тому или другому дѣянiю, но чрезъ посредство своего влiянiя на факторы, которымъ, по мысли матеріалистовъ, всецѣло опредѣляется жизнь человѣческая, — мозгъ. Дѣятельность же послѣдняго всегда выражается въ формѣ идей, а слѣдовательно ихъ влiянiе необходимо также сказывается въ опредѣленiи человѣкомъ своей жизнедѣятельности. Съ этой точки зрѣнiя нельзя не придавать сильнаго влiянiя на жизнедѣятельность человѣка и идеямъ связаннымъ съ присущимъ каждому убѣжденiемъ въ свободѣ человѣческой воли, каковы: идеи о вѣняемости и отвѣтственности и проч. Пусть эти идеи, по мнѣнiю матеріалистовъ, — фикции, заблужденiя ума, — это не можетъ имъ препятствовать оказывать такое же влiянiе на дѣйствiя человѣка, какъ и тѣмъ, которыя произошли подъ влiянiемъ окружающей человѣка среды и вѣшнихъ условiй его жизни.

Такимъ образомъ съ какой бы стороны мы ни рассматривали вопросъ — все убѣждаетъ въ великомъ значенiи моральныхъ идей въ жизни человѣчества. Ихъ основа — въ глубинѣ природы человѣческаго духа. Они поэтому — главные руководители человѣка при различенiи ихъ своихъ поступковъ. При существованiи въ душѣ человѣка понятiй о вѣняемости извѣстныхъ поступковъ, объ отвѣтственности за нихъ, — понятiй, въ которыхъ онъ воспитывается съ дѣтства, которыя входятъ въ его плоть и кровь, вѣшнiя влiянiя, располагающiя человѣка къ тѣмъ или инымъ поступкамъ, не могутъ имѣть безусловнаго значенiя, они парализуются силою этихъ идей, или же возбуждаютъ въ насъ внутреннюю борьбу, часто разрѣшающуюся не въ ихъ пользу. Это фактъ не подлежащiй сомнѣнiю: всякому въ большей или меньшей мѣрѣ приходилось испытывать подобное: примѣры изъ судебной практики, факты изъ исторiи говорятъ о томъ же. Это указываетъ, что съ устраненiемъ

этихъ идей изъ души человѣка, какъ того желаютъ матеріалисты, должны произойти существенныя измѣненія въ дѣятельности человѣка, въ жизни частной и общественной.

Характеръ этихъ измѣненій будетъ вполне понятенъ, когда мы примемъ во вниманіе, что при этомъ кромѣ идеи *безразличія поступковъ*, вслѣдствіе которой въ душѣ человѣка будетъ жить убѣжденіе, что онъ въ правѣ дѣлать *все*, что захочетъ или на что натолкнутъ его обстоятельства, — въ его душѣ поселится еще сознаніе *необходимости* всего совершающагося въ мірѣ.

Міровоззрѣніе, которое въ такомъ случаѣ должно господствовать въ душѣ человѣка, имѣетъ сходство съ вѣрой древнихъ въ судьбу, рокъ или — лучше сказать — съ фатализмомъ восточныхъ народовъ, но только съ болѣе рѣзкимъ характеромъ. Съ вѣрой древнихъ въ судьбу какимъ-то непонятнымъ образомъ уживались представленія объ удачѣ и личномъ произволѣ, воодушевлявшія грека къ дѣятельности. Матеріалистъ проводитъ свой принципъ гораздо послѣдовательнѣе и неумолимѣе: онъ отрицаетъ всякую личную инициативу и предприимчивость, онъ считаетъ возможнымъ отдѣлаться отъ самаго сознанія свободы воли и имѣть вмѣсто этого „радостное“ сознаніе противоположнаго этому факта. Положимъ, что нельзя достигнуть этого *воплотить*: какъ мы уже видѣли, сознаніе свободы, вслѣдствіе дѣйствительнаго присутствія ея въ человѣкѣ, неистребимо; но все-таки при извѣстныхъ усиліяхъ человѣкъ можетъ до нѣкоторой степени заглушить его въ себѣ, если не практически, то теоретически, отрѣшиться отъ него, такъ сказать, наполовину.

Незавидно будетъ при этомъ душевное состояніе человѣка. Какъ тяжелый коншмаръ идея необходимости всего совершающагося предъ глазами человѣка и въ немъ самомъ постоянно будетъ подавлять его душу. Человѣкъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на посторонняго зрителя своихъ дѣйствій, которыя роковымъ и неизбежнымъ образомъ сложились для него такъ, что всякое противо-дѣйствіе имъ будетъ бесполезно и не приведетъ къ желанной цѣли. въ душѣ его явится убѣжденіе, что незачѣмъ много бороться съ окружающей его природою, съ неблагоприятною обстановкою, съ

самимъ собою, чтобы достигнуть высшихъ цѣлей, исполнить свой долгъ, образовать вокругъ себя среду, соответствующую лучшимъ его желаніямъ. Это естественно поведетъ за собою то состояніе духа, которое обыкновенно носитъ названіе слабости воли, безхарактерности, непостоянства, когда человѣкъ становится какъ бы игрушкою въ рукахъ побуждающихъ его къ тому или другому дѣйствію внѣшнихъ впечатлѣній или другихъ людей, всецѣло подчиняясь имъ, когда онъ, какъ трость вѣтромъ колеблемая, пассивно подчиняется всякому, даже слабому внѣшнему давленію, видя въ томъ какъ бы указаніе безапелляціонно тяготеющей надъ нимъ „неумолимой и неизбѣжной судьбы“. Естественно человѣкъ при этомъ будетъ примѣняться къ обстоятельствамъ, не думая ни о какихъ нравственныхъ принципахъ, будетъ плыть по теченію, не обрекая себя бесполезной, ни къ чему не ведущей борьбою съ своими чувственными инстинктами и стремленіями. Онъ всецѣло подчинится влиянію окружающихъ его условий. А такъ какъ условия, окружающія каждаго изъ людей, до безконечности разнообразны, то такимъ же характеромъ будетъ отличаться и нравственная дѣятельность людей; каждый пойдетъ своею дорогою, будетъ жить и дѣйствовать такъ, какъ ему заблагоразсудится, не справляясь о томъ, насколько его дѣйствія полезны или вредны для другихъ, не имѣя въ сущности никакого руководящаго начала для различенія своихъ поступковъ, кромѣ минутнаго настроенія и личнаго произвола. Въ результатѣ явится поразительная путаница и безпорядокъ въ жизни частной и общественной. Этого мало. Съ изгнаніемъ изъ души человѣка всѣхъ нравственныхъ понятій, съ пріобрѣтеніемъ взаимнѣ того представленія о безразличіи поступковъ, каждый, кого обстоятельства толкнули на дорогу преступленій, пойдетъ по ней, нисколько не смущаясь и не пытаясь сдерживать себя въ чемъ либо. Число преступленій поэтому должно увеличиться до послѣдней степени, до мѣры, представляемой степеніемъ благопріятныхъ условий для этого (а подобныя условія могутъ встрѣчаться чуть не на каждомъ шагѣ). Между тѣмъ съ утратой понятія о вѣняемости поступковъ общество, живущее по идеямъ матеріализма, не въ правѣ привлекать преступниковъ къ от-

вѣтственности и налагать на нихъ наказанія, потому что не она виновна въ своихъ дѣйствіяхъ, а условія окружающей ихъ среды. та „неопредѣленная совокупность окружающаго насъ бытія“, которая поселила въ нихъ подобныя стремленія. которая, такъ сказать, воспитала ихъ такими, а не иными, — съ нея и должно требовать отчета...

Отъ этихъ разрушительныхъ для благосостоянія жизни частной и общественной выводовъ своей теоріи, узаконяющей произволъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, матеріалисты укрываются подъ защиту принциповъ пользы и удовольствія, — принциповъ, которыми, по ихъ мнѣнію, неизбежно слѣдуетъ и долженъ слѣдовать человѣкъ въ своей дѣятельности, такъ какъ они съ необходимостію опредѣляются свойствами его организма. Въ этихъ началахъ матеріалисты видятъ естественныя, положенныя самою природою человека, правила его дѣятельности, регуляторы его нравственности. Изъ стремленій человека къ наслажденію и пользѣ возникаютъ будто бы основы, скрѣпляющія общественную жизнь людей, такъ какъ при этомъ условіи увеличивается сумма пользы и наслажденія для каждаго отдѣльнаго человека. Отсюда же вытекаетъ понятіе отвѣтственности за поступки, прешаствующія общему благу и общей пользѣ. Переходимъ къ разсмотрѣнію этихъ принциповъ.

II.

Возврънтія матеріалистовъ на принципъ удовольствія немногосложны. Отрицая все духовное какъ въ мірѣ, такъ и въ человѣкѣ, цѣлью жизни послѣдняго они ставятъ возможно полное удовлетвореніе его матеріальной сущности. Все, что соответствуетъ этому стремленію и притомъ въ матеріальномъ, эмпирическомъ смыслѣ, и есть *добро*. *Зло* же, наоборотъ, — все то, что такъ или иначе вредитъ тѣлу человека. Долгая жизнь, въ которой встрѣчается, насколько возможно, большее количество наслажденій и испытывается какъ можно меньше страданій, это — высшее благо и счастье человека. бытіе котораго прекращается вмѣстѣ съ смертію его тѣла.

Очевидно эти положенія не даютъ еще правилъ, какими должно руководствоваться при разборѣ удовольствій, а между тѣмъ это необходимо въ виду того, чтобы не узаконить опять произвола въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Напрасно думаютъ найти руководства для выбора въ самомъ характерѣ наслажденій; оцѣнщикомъ въ данномъ случаѣ является личное ощущеніе. Но что одному кажется пріятнымъ, то въ душѣ другого можетъ рождать неудовольствіе и наоборотъ. Всякій чувствуетъ болѣе или менѣе по своему и всякій правъ въ своихъ чувствованіяхъ; трудно найти исполнѣ ясныя причины для объясненій того, почему извѣстнаго рода ощущеніе одному нравится, а другому нѣтъ. Дѣло слѣдовательно должно рѣшаться личными симпатіями и антипатіями человѣка, часто необъяснимыми. Но при этомъ становится положительно невозможнымъ установить норму нравственности хотя въ общихъ чертахъ; наша мысль объ этомъ должна потеряться въ лабиринтѣ самыхъ противорѣчивыхъ положеній. Вопросъ о нравственности остается при этомъ открытымъ, рѣшить его предоставляется благоусмотрѣнію каждаго. Но и въ послѣднемъ случаѣ для человѣка встрѣчается новаго рода затрудненіе. Наши ощущенія до безконечности разнообразны и часто измѣняютъ свой характеръ. Извѣстное ощущеніе въ одно время доставляетъ удовольствіе, слѣдовательно—по воззрѣніямъ матеріализма—нужно помогать его повторенія,—это *добро*; въ другое время то же самое ощущеніе производитъ иногда дѣйствіе совершенно противоположное, ясно, его слѣдуетъ избѣгать: это—*зло*. На чемъ же остановиться?... Не оказывается слѣдовательно твердой основы и для опредѣленія „добра“ личнаго и нормы для оцѣнки каждымъ своей дѣятельности. Дѣло по необходимости должно въ большинствѣ случаевъ рѣшать минутное настроеніе и капризы.

Такимъ образомъ послѣдствія для жизни, вытекающія изъ отрицанія матеріалистами свободы воли нисколько не устраняются съ принятіемъ принципа удовольствія.

А между тѣмъ дѣло усложнилось: рядомъ съ сознаніемъ своей всецѣлой зависимости отъ окружающаго міра, которое матеріалисты желаютъ поселить въ душѣ человѣка, послѣднему внушается еще

поставить себя за правило дѣйствовать по возбужденіямъ и влеченіямъ своей чувственной природы. Не трудно представить себя душевное состояніе человѣка, который задумаетъ слѣдовать этому кодексу нравственности. Чувственные инстинктивные стремленія и движенія сердца, одно другому противорѣчація, одно другимъ уничтожающіяся, разольются въ душѣ его цѣлымъ потокомъ. Для него положительно не будетъ никакой возможности разобраться въ хаосѣ ощущеній, которыя будутъ осаждать его душу. Объ этомъ впрочемъ ему нечего и заботиться. Сознаніе необходимости всего совершающагося въ мірѣ породитъ въ умѣ его идею о безсильіи человѣка въ борьбѣ съ своими влеченіями. Это побудитъ его всецѣло предаться водительство этихъ влеченій, идти куда поведутъ они. Вслѣдствіе того умственнымъ очамъ человѣка не будетъ представляться осязаемаго, вполне опредѣленнаго образа дѣйствій, онъ пойдетъ, пробираясь какъ бы ощупью, въ туманѣ, не зная точно ни цѣли, ни предѣла своему пути; такъ запоздалый путникъ въ глубокую зимнюю ночь, когда мятель и вьюга застилаютъ ему глаза, сбивается съ дороги, идетъ, не зная куда несутъ его ноги, идетъ, поминутно останавливаясь, пока не выбьется изъ силъ. Подобное увидимъ мы и въ нравственной дѣятельности человѣка. Въ своемъ постоянномъ и неуклонномъ стремленіи къ предметамъ чувственного наслажденія онъ, быть можетъ, остановится ненадолго на какомъ-либо изъ встрѣтившихся ему удовольствій, чтобы вслѣдъ за тѣмъ еще съ большою силою и быстротою устремиться къ болѣе и болѣе разнообразнымъ, болѣе и болѣе сильнымъ наслажденіямъ. При этомъ въ душѣ человѣка разыграются ни чѣмъ не сдерживаемыя страсти, почти вовсе не оставляющія мѣста для дѣятельности ума, такъ что онъ принужденъ будетъ или оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, или же дѣйствовать согласно съ ними. При другомъ образѣ мыслей, при твердости нравственныхъ началъ человѣкъ можетъ найти внутри себя задержку противъ дикаго разгула страстей. Но матеріалистъ не отыщетъ такой задержки ни внѣ, ни внутри себя. Придется удовлетворять своимъ желаніямъ во что бы то ни стало, потому что въ этомъ главнѣйшая, если не единственная цѣль въ жизни, ограничиваемой предѣлами земнаго

бытія. Между тѣмъ это скоро станетъ невозможнымъ: наслажденія перейдутъ мѣру... Въ душѣ чловѣка явится тяжелое чувство неудовлетворенности, недовольства самимъ собою и всѣмъ окружающимъ; отрекшись отъ нравственныхъ принциповъ, нарушающихъ будто-бы душевное спокойствіе, онъ получитъ въ удѣлъ постоянное томленіе духа, потеряетъ и послѣднія опоры для жизни...

Мы не въ правѣ ослаблять силу этихъ выводовъ предположеніемъ, что сама природа чловѣка опредѣлитъ ему *естественную* норму для наслажденій, такъ что они не перейдутъ должныхъ предѣловъ,—не имѣемъ основаній склоняться на увѣренія Фейербаха, что „въ природѣ чловѣка заключается и масштабъ его дѣятельности“. Это худое убѣжище матеріалистической логики всего меньше имѣетъ силы въ приложеніи къ чловѣку. Въ царствѣ животныхъ еще можно замѣтить явленія подобнаго рода. Какъ существамъ исключительно чувственнымъ, имъ дано въ удѣлъ искать наслажденій, стремиться къ пріятнымъ ощущеніямъ, во имъ и мѣра дана. Въ своихъ дѣйствіяхъ, склонностяхъ и привычкахъ они (минуя развѣ исключительные случаи) слѣпо повинуются инстинкту, не переходятъ должныхъ предѣловъ, начертанныхъ для нихъ природою; они поистинѣ—„рабы силы и матеріи“. Но развѣ можно прилагать ту же мѣрку къ чловѣку, существу свободному? Развѣ ежедневный опытъ, факты исторіи не говорятъ намъ о противномъ, не показываютъ ясно, что чловѣкъ *можетъ* нарушать и постоянно нарушаетъ по своему благоусмотрѣнію вѣтвія своей собственной природы? Много характерныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ представляетъ жизнь римскаго общества предъ началомъ христіанской эры; навѣки остались памятными римскіе гастрономы и сластолюбцы времени Августа, эти образцы неумѣренности, не знавшей предѣловъ.

То правда, что эти и подобныя имъ проявленія неумѣренныхъ стремленій къ наслажденію никогда не проходятъ безнаказанно, всегда сопровождается вредомъ для чловѣческаго организма. Однако представленіе объ этомъ рѣдко полагаетъ предѣлы развитію „слѣпой“ страсти. Не оно научило распущенный языческій міръ воздержанію, а христіанство, тѣ моральные принципы и вѣрованія, которые матеріалисты такъ тщательно изгоняютъ изъ души чло-

вѣка. Впрочемъ и безъ этихъ примѣровъ для всякаго понятна, что при трудности для человѣка удержаться въ предѣлахъ природы, при полной возможности для него не слушаться ея предостерегающаго голоса, мудрено съ точностію опредѣлить, на что долженъ смотрѣть человѣкъ, какъ на естественную склонность и наоборотъ—какого рода дѣйствія онъ долженъ считать противными природѣ. Наука, могущая разрѣшить это, не для всякаго доступна. да и сама она въ этомъ отношеніи встрѣчаетъ не мало затрудненій. Условія же цивилизаціи, вліянія воспитанія, обстановки и среды, въ которой приходится жить и дѣйствовать каждому, породили такое множество незнакомыхъ прежде потребностей и прихотей, что не представляется почти никакой возможности указать предѣлы, установить норму для наслажденій. Что одному покажется противоестественнымъ,—другой найдетъ согласнымъ съ природою, полезнымъ для себя. Контролировать въ этомъ отношеніи чужіе поступки никто не имѣетъ права. Матеріалисты не знаютъ дѣйствій нравственныхъ и безнравственныхъ, имъ извѣстны только—„естественныя и противоестественныя“. Но, какъ мы уже видѣли, границы между тѣми и другими чрезвычайно спутаны. Дѣло представляется усмотрѣнію каждаго; каждый здѣсь самъ себя судья и можетъ поступать, какъ ему заблагоразсудится. Поэтому *всякое* наслажденіе позволительно и человѣкъ имѣетъ полное право стремиться къ достиженію его, если сочтетъ то нужнымъ. Съ этой точки зрѣнія и противоестественные пороки древняго міра и народовъ восточныхъ не могутъ поступить въ разрядъ дѣйствій безнравственныхъ. *Все нравственно, что нравится*,—это соединеніе созвучныхъ словъ должно рѣшать дѣло. Это оправданіе политическаго произвола въ выборѣ самыхъ наслажденій, очевидно—нечто иное, какъ апологія порока во всѣхъ его видахъ, начиная съ грубыхъ его проявленій, изобрѣтенныхъ извращенной фантазіей народовъ восточныхъ, и кончая тѣми утонченными формами, въ которыхъ облекаетъ его цивилизація: ибо порокъ прежде всего и чаще всего порождается неутоленнымъ и несдерживаемымъ стремленіемъ къ наслажденію.

Болѣе повидимому способенъ помочь горю въ дѣлѣ опредѣл-

нія человѣкомъ правилъ для своей дѣятельности другой принципъ, принимаемый матеріалистами вмѣстѣ съ принципомъ удовольствія за основу человѣческихъ дѣйствій—принципъ личной пользы, эгоизма. При этомъ принципѣ, который переноситъ мотивы дѣятельности человѣка изъ области чувства въ область разсудка, на первый взглядъ, можетъ быть внесена, такъ сказать, мѣра въ сферу ощущеній, возможно опредѣлить относительный характеръ удовольствій, ихъ сравнительную важность и значеніе для жизни человѣка, привести ихъ нѣкоторымъ образомъ къ *нормѣ*, распредѣливъ ихъ сообразно условіямъ человѣческаго организма, мѣста, времени и т. д. Но это раздѣленіе удовольствій на полезныя и вредныя очевидно почти то же, что и раздѣленіе ихъ на согласныя съ природою человѣка и несогласныя съ нею. Насколько это возможно при идеяхъ матеріализма—мы уже видѣли, и принципъ пользы, какъ увидимъ, этому нисколько не помогаетъ: какъ норма для человѣческой дѣятельности онъ имѣетъ столь же мало значенія и силы, какъ и принципъ удовольствія.

III.

При разсмотрѣніи принципа личной пользы прежде всего оставивъ на себѣ вниманіе то соображеніе, что понятіе личной пользы слишкомъ относительно, чтобы, основываясь на немъ, можно было установить точныя, устойчивыя и не колеблющіяся правила для жизни. Индивидуальныя отличія природы каждаго, окружающей его обстановки и условій среды, въ которой живутъ люди, слишкомъ разнообразны; едва ли можно найти хотя бы то два человѣка, вполне сходныхъ между собою въ этомъ отношеніи, у которыхъ поэтому интересы и цѣли были бы совершенно одинаковы. При происходящей вслѣдствіе того разнохарактерности воззрѣній людей на полезное весьма трудно придти къ какому либо соглашенію по этому предмету. Но этимъ дѣло не ограничивается. При исключительной измѣнчивости человѣческихъ интересовъ и выгодъ и для каждаго лица трудно составить себѣ опредѣленный

взглядъ на свои дѣйствія. Сегодня извѣстное дѣйствіе полезно для человѣка и слѣдовательно не противно нравственности; но завтра по тѣмъ или инымъ причинамъ оно-же можетъ оказаться вреднымъ, человѣкъ слѣдовательно долженъ избѣгать его, оно теряетъ для него всю цѣну дѣянія согласнаго съ нравственностью. Придется такимъ образомъ каждый день передѣлывать свой кодексъ нравственности, постоянно мѣнять свои понятія о „добрѣ“ и „злѣ“. Или—лучше сказать—никому не придется возлагать на себя и этого рода заботъ, такъ какъ при невозможности точно опредѣлить, принесетъ ли извѣстное дѣйствіе пользу и не окажется ли оно вреднымъ, трудно даже въ извѣстный моментъ составить себѣ устойчивое понятіе объ извѣстномъ дѣлѣ. „Мнѣ кажется“, будетъ говорить себѣ каждый, по моимъ расчетамъ извѣстное дѣло должно принести мнѣ пользу; но кто знаетъ, не окажется ли оно еще вреднымъ и, рѣшаясь на него, грѣшу-ли я противъ себя? Очевидно, это уже плохая оцѣнка своихъ поступковъ, понятіе о нравственности, хотя бы и „естественной“, сводится этимъ къ нулю, обращается въ ничто. •

Отсюда понятно, что и при слѣдованіи принципу пользы опредѣленіе человѣкомъ характера своей дѣятельности зависитъ отъ впечатлѣній минуты, отъ извѣстнаго настроенія, и такимъ образомъ, въ смыслѣ нормы, регулятора для оцѣнки человѣческихъ дѣйствій, принципъ пользы такъ же мало состоятеленъ, какъ и принципъ удовольствія. Но тѣмъ не менѣе нашъ прежній выводъ о томъ, что матеріалисты своимъ ученіемъ овящаютъ политическій произволъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ со всѣми происходящими отсюда невыгодными послѣдствіями для частной и общественной жизни, еще не является свободнымъ отъ всѣхъ ограниченій, которыя ему противопоставляютъ. На сцену выдвигается новаго рода регуляторъ, управитель нравственной дѣятельности человѣка, — идея общей пользы и общаго блага, выводимая изъ принципа личной пользы и началъ эгоизма. Необходимо въ виду этого рѣшить, насколько способенъ и этотъ принципъ выполнить свое назначеніе, при указываемыхъ основаніяхъ для него.

Въ сужденіяхъ матеріалистовъ объ общей пользѣ на первомъ

мѣстѣ стоитъ предположеніе, что при стремленіи всѣхъ соблюсти свои собственные интересы, при заботѣ всѣхъ и каждого о своей личной пользѣ естественнымъ образомъ обобщатся интересы людей, такъ что для каждого такъ же будетъ дорого беречь чужія выгоды, какъ и свои. Но думать такъ, значить считать сумму наслажденій слишкомъ равномерно распределенною между людьми, при чемъ каждый могъ бы идти своей дорогой, ни съ кѣмъ не сталкиваясь и не нарушая общаго равновѣсія въ людскихъ отношеніяхъ. Но предполагать возможность согласенія частныхъ выгодъ съ общими, при существующемъ громадномъ различіи въ положеніи людей — то же, что ждать гармоніи въ звукахъ многочисленныхъ инструментовъ, на которыхъ музыканты играютъ совершенно различныя піесы и каждый по своему. Быть можетъ въ общей разногласиѣ и удастся слуху уловить два-три звука согласныхъ между собою, но тутъ же и пропадутъ они въ массѣ диссонансовъ и рѣжущей слухъ какофоніи. При различіи индивидуальныхъ склонностей, привычекъ, образа жизни, — различіи, доходящемъ иногда до крайней противоположности даже въ двухъ субъектахъ, — ни съ чѣмъ несообразно предполагать возможность сліянія и общности человѣческихъ интересовъ и стремленій.

Если въ настоящее время мы видимъ все-таки солидарность во взаимныхъ отношеніяхъ людей, то въ большинствѣ случаевъ прямо или косвенно тутъ дѣйствуютъ нравственные идеи, значенія которыхъ матеріалисты не признаютъ, которыхъ они желали бы даже совѣмъ изгнать изъ души, — проявляетъ свою силу *нравственный законъ*, основы котораго заложены въ глубинахъ природы человѣческаго духа Верховнымъ Существомъ. Только этотъ законъ — могучій направитель мыслей и дѣлъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, придаетъ единство и нѣкоторую гармонію человѣческимъ поступкамъ, создаетъ солидарность и общеніе между людьми. Человѣкъ повинуется ему, невольно поступаясь своими выгодами для пользы другихъ людей, для блага общаго, во имя Высшаго Авторитета, голосъ Котораго онъ слышитъ въ своей совѣсти. На основѣ этого закона создаются, въ немъ по-

черпаютъ свою крѣпость и устойчивость и всѣ другіе законы, регулирующіе взаимныя отношенія людей.

Матеріалисты, отвергая *внутреннія* нравственныя побужденія для человѣка къ ограниченію своекорыстныхъ дѣйствій и проявленій крайняго эгоизма, не предлагаютъ взамѣнъ ничего. Основывая принципы личной пользы на присущемъ каждому чувству самосохраненія и заботливости о себѣ, они не въ правѣ, вопреки этому чувству, требовать отъ человѣка отказа отъ своей личной пользы ради общаго блага и счастья. При отрицаніи силы и значенія моральныхъ идей и правилъ для подобнаго требованія не представляется никакихъ достаточныхъ основаній.

Понятіе общей пользы само въ себѣ не заключаетъ ничего обязательнаго. Изъ него нельзя вывести правъ и обязанностей для индивидуума, какъ изъ отвлеченнаго понятія, — которому не соответствуетъ ничто реально существующее. Одно это понятіе не можетъ заставить человѣка отказаться отъ своихъ ближайшихъ личныхъ интересовъ. Слова: общее благо, общая польза, могутъ имѣть значеніе только для того, кто находитъ побужденія къ ихъ выполненію въ глубинѣ собственной природы, въ комъ живы и дѣйствительны правила истинной нравственности. Лицо же, съ дней молодости воспитанное на воззрѣніяхъ матеріализма, не будетъ соединять съ ними никакого опредѣленнаго смысла; предполагать въ немъ какую-то платоническую любовь къ этимъ идеямъ было бы странно...

Такимъ образомъ предлагаемое матеріалистами ограниченіе принципа личной пользы идеей общаго блага не достигаетъ цѣли; при этомъ заботы о личной выгодѣ по прежнему останутся на первомъ планѣ. Это неизбежно породитъ между людьми разединеніе, при чемъ немыслима правильная общественная жизнь, а слѣд. тѣсно связанное съ нею благо и счастье и отдѣльнаго лица. Необходимо во чтобы-то ни стало выйти изъ затрудненія, — установить гармонію въ дикой сумятицѣ голосовъ. Но какъ это сдѣлать? Если во внутренней природѣ человѣка, по воззрѣніямъ матеріализма, нѣтъ никакихъ средствъ для достиженія этого, то остается попытаться одно средство — соединить людей между собою какимъ-нибудь внѣшнимъ условнымъ образомъ. Это возможно, когда частныя лица, въ увѣ-

ренности, что совместная жизнь лучше разрозненной, согласятся отречься от нѣкоторой части своихъ личныхъ выгодъ ради общей пользы и когда для выполненія этого будутъ выработаны типичныя правила, которыми опредѣлятся обязательныя для отдѣльныхъ лицъ условія ихъ сожителства и ихъ взаимныхъ отношеній, т. е. будетъ созданъ юридическій, общественный, политическій законъ. въ которомъ будетъ твердо очерченъ кругъ дѣйствій каждаго отдѣльнаго лица и будутъ указаны мѣры, служащія къ пресѣченію дѣйствій индивидуума, направленныхъ ко вреду общества.

Много неодолимыхъ затрудненій придется встрѣтить составителямъ такого закона. Неопредѣленность и неустойчивость понятій о пользѣ, невозможность взвѣсить вполне всѣ частныя выгоды. измѣрять этотъ „океанъ глубокій“, чтобы придти къ какому-либо соглашенію по этому поводу, въ высшей степени затормозятъ дѣло. Совершенно удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ нормы взаимно-отношеній отыскать невозможно. Не вдаваясь впрочемъ въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, допустимъ, что онъ будетъ разработанъ самымъ добросовѣстѣйшимъ образомъ, насколько конечно это возможно, и такъ или иначе, по будутъ опредѣлены взаимныя отношенія людей. Что же? Можемъ ли мы послѣ этого надѣяться, что нами найденъ ключъ къ разрѣшенію мудреной задачи установить общественную жизнь на началахъ справедливости, не выходя притомъ изъ предѣловъ матеріалистическаго міросозерцанія?... Едва ли. Въ самомъ себѣ законъ этотъ конечно не заключаетъ никакихъ гарантій и побужденій для своего выполненія; принятіе его зависѣло отъ доброй воли людей, создавшихъ его, и принять онъ подѣ условіемъ, что сумма пользы, приносимой имъ, перевѣшиваетъ сумму выгодъ, которыя могла бы получить единичная личность, не принимая его, или по принятіи не соблюдая, обходя его. Между тѣмъ очевидно, что законъ этотъ, какъ нѣкотораго рода средній терминъ отношеній между людьми, входящими въ составъ общества, какъ *общее* правило, не можетъ совпадать съ стремленіями всѣхъ и каждаго. Пригодный хотя бы то для большинства, онъ все-таки окажется болѣе или менѣе ограничивающимъ стремленія къ личной пользѣ меньшинства. Естественна отсюда за-

вистъ лицъ послѣдней категоріи къ первымъ и попытки получить равныя съ ними выгоды, хотя бы путемъ его нарушенія. Да и тѣмъ, для кого выгоды, доставляемыя закономъ, перевѣшиваютъ его неудобства, все-таки будетъ желательно какъ-нибудь избѣжать послѣднихъ. Тутъ на помощь можетъ явиться соображеніе, что сумма пользы, вырабатываемая общими усиліями людей, не уменьшится, или, если и уменьшится, то въ самой незначительной степени отъ единичнаго нарушенія закона частнымъ лицомъ, а слѣд. въ то время, когда другіе соблюдаютъ принятый законъ, частному лицу можно обойти его такъ или иначе и приобрести тѣмъ двойную выгоду—отъ жизни въ обществѣ подъ охраной закона и отъ несоблюденія его.—Моралистовъ того и другаго рода, безъ сомнѣнія, найдется не мало. И тѣ и другіе, каждый съ своей точкой зрѣнія, усердно примутся обходить законъ, нарушать его тайно или явно, смотря по обстоятельствамъ и большей или меньшей надеждѣ на безнаказанность.

Подобныя дѣйствія естественно будутъ подрывать въ большей или меньшей степени ту пользу, которую можетъ приносить законъ и слѣд. станетъ уже меньше побужденій къ его соблюденію. Съ другой стороны невозможно предположить, чтобы всѣ тайныя нарушенія закона пропадали безслѣдно, не показываясь на свѣтъ Божій. Это породитъ и въ другихъ искушеніе къ нарушенію закона: примѣръ заразителенъ. Вслѣдствіе этого чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе будетъ разрастаться тайное и явное нарушеніе закона. Послѣдній, являясь результатомъ стремленія къ пользѣ, долженъ и пасть жертвою этого стремленія. Чѣмъ же, спрашивается, охранить отъ паденія самого уже охранителя общественнаго спокойствія и нравственности? Какія мѣры предпринять къ тому, чтобы собственная единоличная выгода не сдѣлалась высшимъ закономъ для каждаго отдѣльнаго лица въ ущербъ принятому закону и общему благу? Въ самомъ міровоззрѣніи, отвергающемъ въ принципѣ безусловную обязательность какого-бы то ни было нравственнаго закона, нѣтъ никакихъ гарантій, обеспечивающихъ это. Остается одно—престѣчь для членовъ общества самую возможность попытокъ къ нарушенію закона, самую возможность разсуждать о томъ, что

полезно и вредно. Достигнуть же этого, разумѣется, можно не иначе, какъ путемъ насилія и внѣшняго принужденія.

Итакъ *право силы*, деспотизмъ одного лица или нѣсколькихъ, — естественное и даже необходимое явленіе для охраненія начала общественности среди людей руководящихся тенденціями материализма. Съ точки зрѣнія созерцанія, въ которомъ какъ умственные, такъ и нравственные свойства человѣка выводятся изъ извѣстныхъ механическихъ и физиологическихъ процессовъ, гдѣ свобода трактуется какъ пустой призракъ, которому ничто въ дѣйствительности не отвѣчаетъ, обращеніе съ людьми, какъ съ существами безгласными, не должно казаться нерациональнымъ; это дѣло необходимости, нужно подчиниться этому...

Если бы такія отношенія между людьми опредѣлились разъ на всегда, тогда по крайней мѣрѣ возможно было бы существованіе общества людей, извѣстнымъ образомъ связанныхъ между собою, хотя и съ противнымъ всякой справедливости, тяжелымъ и убійственнымъ подчиненіемъ слабыхъ сильнымъ. Положимъ, это оригинальное человѣческое общество было бы похоже тогда на муравьиное или пчелиное государство съ тѣмъ же бессознательнымъ, безмолвнымъ и на вѣки-вѣчные установившимся — въ силу желѣзной необходимости — подчиненіемъ однихъ другимъ безъ всякаго слѣда прогресса и движенія впередъ; но при этомъ все-таки было бы возможно существованіе общества.

Но для всякаго очевидно, что это невозможно въ виду того факта, подтверждаемаго общимъ сознаніемъ, что человѣкъ всегда свободно и критически относится къ условіямъ своего быта, обсуждаетъ ихъ и измѣняетъ согласно съ своими потребностями и стремленіями. Вслѣдствіе этого и происходитъ то разнообразіе взглядовъ и убѣжденій и та борьба изъ-за нихъ, которыми выясняется польза или вредъ, необходимость или случайность разнаго рода нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ началъ и условій жизни. Въ виду этого немыслимо и существованіе общества съ внутренней организаціей разъ на всегда установленной на началахъ материализма. Въ результатъ должно явиться переустройство общества на началахъ болѣе рациональныхъ, или же распадение его. Последнее

неизбѣжно и въ томъ случаѣ, если мы даже станемъ на точку зрѣнія матеріалистовъ, что свободы воли не существуетъ, или по крайней мѣрѣ попытаемся представить себѣ общество людей вполне убѣжденныхъ въ произвольности своихъ дѣйствій.

При міровоззрѣніи, по которому вся жизнь и дѣятельность человека вытекаютъ изъ необходимыхъ законовъ и *право* его очевидно не можетъ простирается далѣе его натуральныхъ потребностей. Сила является здѣсь, такъ сказать, носителемъ и даже болѣе—производителемъ права; отсюда уже одинъ шагъ до положенія: *сила выше права*. Согласно съ воззрѣніями матеріализма каждый членъ общества, разумѣется, будетъ осуществлять въ своей жизни и эту идею, сообразно степени и качеству тѣхъ силъ, которыми онъ обладаетъ, умственныхъ или физическихъ (моральныя силы остаются безъ значенія). Отсюда явится неравномѣрность во взаимныхъ отношеніяхъ между лицами, составляющими общество. Слабые и безсильные не покорятся своей участи безропотно: ихъ стремленія по мѣрѣ силъ добиться правъ для себя будутъ выраженіемъ ихъ протеста противъ существующаго порядка вещей, противъ деспотизма охранителей закона. Откроется такимъ образомъ постоянная „борьба за существованіе“, которой трудно будетъ предсказать какой-либо опредѣленный исходъ. При постоянной измѣнчивости силъ людей, при постоянныхъ измѣненіяхъ условій борьбы, разсматриваемыя отношенія силы и подчиненія постоянно будутъ колебаться, власть и преобладаніе постоянно будутъ переходить изъ рукъ въ руки. Въ этой „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ“ каждый постоянно долженъ быть на сторожѣ, чтобы не потерять добытое силою мѣсто, каждому впору будетъ стоять за себя одного, отстаивая самостоятельность своей личности противъ эгоистическихъ попытокъ другихъ подчинить его своему вліянію. При этомъ столкновеніи людскихъ интересовъ идея общаго блага и общей пользы, навязываемая закономъ, потерпитъ, разумѣется, рѣшительное крушеніе. Что же касается до юридическаго закона — основнаго элемента организаціи общества при матеріалистическомъ міросозерцаніи, то о немъ при такихъ обстоятельствахъ конечно не можетъ быть и рѣчи, чѣмъ неминувемо обуславливается *распаденіе* и основаннаго на немъ

общества. Съ распаденіемъ общества прервется всякая связь между людьми и человѣчеству послѣ того предстоить обратиться въ состояніе звѣрства и дикости. Это уже послѣдній актъ той печальной драмы въ жизни людей, исполненія которой съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ поклонники матеріализма, не желая знать, какую судьбу готовятъ они этимъ человѣчеству. Здѣсь кончается исторія общества людскаго, она сходится съ исторією царства животныхъ, ибо въ дальнѣйшей жизни человѣчеству остается одно—осуществить въ своей дѣятельности правила жизни звѣрей...

Не трудно теперь намѣтить по крайней мѣрѣ главныя черты того состоянія частной и общественной жизни, которое неизбежно должно явиться при подобныхъ условіяхъ,—нарисовать приблизительно „идеалъ“ общества, построеннаго на идеяхъ матеріализма. Данными для заключеній по этому поводу могутъ служить намъ всѣ тѣ естественные и необходимые выводы и заключенія, которые мы сдѣлали изъ отдѣльныхъ положеній матеріализма.

IV.

„Мое сердце — мой богъ; лучше себя оно не знаетъ другаго существа“—это извѣстное изреченіе знаменитаго представителя матеріализма нашего вѣка служило бы девизомъ каждаго въ то, ожидаемое матеріалистами, время, когда идеи ихъ получили бы безраздѣльное господство въ умахъ и сердцахъ людей.

Сухой и безсердечный эгоистъ, фаталистъ по своимъ убѣжденіямъ, сластолюбецъ по своимъ стремленіямъ и дѣйствіямъ — вотъ типъ нравственнаго человѣка по воззрѣніямъ матеріализма.

Онъ ничего не знаетъ, кромѣ себя и своихъ интересовъ. Его религія—служеніе богу наживы и корысти; его нравственность—наслажденія. Насладиться жизнію вполнѣ, испить до дна чашу всевозможныхъ наслажденій, насколько хватитъ для того силъ и средствъ — такова задача его жизни. Ни внѣ ни внутри себя онъ не встрѣтитъ препятствій къ осуществленію своихъ стремленій. Онъ никогда

не услышитъ въ своей душѣ голоса совѣсти—этого докучнаго свидѣтеля неправыхъ и преступныхъ дѣяній. Совѣсть молчитъ тамъ, гдѣ забыли о Богѣ, гдѣ намѣренно отвергаютъ все духовное въ человѣкѣ. — Матеріалисту нечего ждать и бояться въ будущемъ, въ жизни загробной: для него бытіе кончается вмѣстѣ съ смертію. Его не страшитъ безславіе въ потомствѣ. Оно имѣетъ значеніе лишь подъ условіемъ безсмертія. Въ противномъ случаѣ что имя? звукъ пустой! — Онъ не можетъ даже подлежать отвѣтственности за свои дѣйствія: не онъ въ нихъ виноватъ, а обстоятельства, заставляющія его поступать такъ, а не иначе, „среда“, воспитавшая въ немъ извѣстнаго рода наклонности. Ему незачѣмъ бояться презрѣнія современниковъ: въ царствѣ матеріализма всѣ будутъ держаться тѣхъ же убѣжденій. Тамъ всякій можетъ жить, какъ пришлось, не размышляя о будущемъ, ничѣмъ не стѣсняясь въ настоящемъ, не оглядываясь на прошлое,—жить внѣ всякихъ нравственныхъ предписаній и правилъ. Матеріалисту итъ нужды особенно задумываться надъ опредѣленіемъ характера своей дѣятельности. Кодексъ нравственности по выводамъ изъ теоріи матеріализма не замысловатъ. Личный произволъ это—единственное основаніе для дѣятельности человѣка, наслажденіе это — единственное благо, польза — единственная цѣль въ здѣшней „единственной“ жизни. Всѣ средства хороши въ стремленіяхъ къ этой цѣли, въ выборѣ ихъ стѣсняться нечего!

Лѣтъ пять тому назадъ въ Бременѣ былъ страшный взрывъ динамита; убито и ранено до 200 человѣкъ. Виповникъ этого—гражданинъ великой заатлантической республики, Томасъ, видѣлъ въ этомъ средство наживы, имѣя въ виду получить премію за свою, застрахованную въ высокую цѣну кладъ, находившуюся въ гавани въ моментъ взрыва. На случай неудачи у него было приготовлено еще до 20 механизмовъ, подобныхъ тому, которымъ былъ произведенъ взрывъ (Моск. Вѣд. 1875. дек.). Въ этомъ типически отразились черты нрава подъ вѣяніемъ идей новѣйшаго матеріализма; чего же можно ожидать отъ цивилизаціи сфабрикованной по мысли матеріализма? Подобныя дикія проявленія безсердечнаго

своекорыстія должны быть обычнымъ явленіемъ въ царствѣ матеріализма. Необычайное умноженіе преступленій, всеобщая деморализація, нравственная одичалость въ понятіяхъ людей будутъ неизбѣжной принадлежностью общества, устроеннаго по идеямъ матеріализма. Право силы и силы грубой, физической будетъ тогда возвышаться надъ всѣмъ. Въ семъ это неизбѣжно выразится пониженіемъ женщины, какъ болѣе слабого существа; потеряютъ силу всѣ гуманныя стремленія человѣчества, всѣ великодушныя идеи: свобода, равенство, взаимная любовь; примѣры самоотверженія ради другихъ, подвиги горячей беззаветной любви отойдутъ въ область преданій; имъ не мѣсто въ царствѣ наживы и корысти, среди всеобщей погони за выгодами и удовольствіями. Въ общественныхъ отношеніяхъ право силы совмѣстно съ заботами о личной пользѣ неизбѣжно заявитъ себя страшными сценами злодѣйствъ и насилій надъ слабыми и безсильными. Тяжело будетъ имъ жить при такихъ обстоятельствахъ; ихъ ждетъ безысходная нужда, постоянныя опасенія за свое благосостояніе, за свою жизнь, постоянный трепетъ предъ владычествомъ грубой силы. Кому заступаться за нихъ и ради чего?... Каждому впору за себя стоять. Сухой и безсердечный принципъ пользы — врагъ всякой любви къ слабому и хилому человѣчеству. Къ чему скучныя и дорого стоющія заботы о призрѣніи старыхъ, неизлѣчимо больныхъ, безпомощныхъ людей, обременяющихъ общество?! Это погоня за призраками... Пусть живетъ только то, что молодо, свѣжо, что можетъ само о себѣ позаботиться, само въ себѣ найти точку опоры для своего существованія, а слабое и больное должно уступить ему мѣсто, сойти съ жизненнаго поприща!... Согласно этому принципу поступаютъ дикіе обитатели острововъ Тихаго Океана, убивая престарѣлыхъ родителей и людей больныхъ и хилыхъ, служащихъ тяжестью для общества. Если бы, согласно утопическимъ надеждамъ матеріалистовъ, ихъ идеи были восприняты европейскими націями, тогда образованный европеецъ долженъ бы прямо заявить свою солидарность съ этой философіей дикарей и такимъ образомъ люди, стоящіе на самыхъ противоположныхъ ступеняхъ цивилизаціи и граж-

данственности, сошлись бы между собою въ пониманіи нравственности...

Мы не говоримъ уже объ анархіи и безпорядкахъ въ общественной жизни, постоянныхъ социалистическихъ движеніяхъ и революціяхъ, постоянной войнѣ и враждѣ всѣхъ противъ всѣхъ. На всемъ просторѣ должны тогда разыграться дикія страсти людей... Ужасы террора 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, сцены изъ исторіи коммуны въ настоящемъ вѣкѣ, — эти плоды теорій матеріализма, преходящія явленія при настоящемъ порядкѣ вещей и при настоящихъ нравственныхъ понятіяхъ людей, тогда должны быть постояннымъ удѣломъ общественной жизни.

Непривлекательны выводы, которые вытекаютъ изъ умозрѣній матеріалистовъ. Въ нихъ однако есть черты еще хуже описанныхъ нами. По воззрѣніямъ матеріалистовъ, является дѣломъ не только не противнымъ нравственности, но и самой природѣ даже такое преступное дѣйствіе, какъ вытравленіе плода, его считаютъ они естественнымъ правомъ матери (Бюхнеръ, стр. 118)... Въ настоящее время примѣры этого рода не часты, потому что живы еще и дѣйствены въ сердцахъ большинства людей начала истинной нравственности христіанской; за это караетъ теперь и законъ. Но въ царствѣ матеріализма этихъ препятствій существовать не будетъ.

Тамъ весь интересъ обоего пола будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы безнечально, среди наслажденій провести дни жизни своей, пожить въ свое удовольствіе и затѣмъ безслѣдно сгинуть въ вѣчности, не заботясь о потомствѣ, да и не имѣя его...

Было бы излишнимъ прибавлять что либо къ этой апофеозѣ разврата. Здѣсь уже Геркулесовы столбы не безправственности только, но и нелѣпости... Эта проповѣдь *нестественной* нравственности — достойное заключеніе теоріи нравственности „естественной“.

Можно бы считать преувеличенными наши выводы изъ теоріи матеріализма, хотѣлось бы думать, что постыдные идеалы матеріализма никогда не найдутъ себѣ хотя отчасти осуществленія въ жизни, если бы печальная дѣйствительность въ наше печальное время не говорила о противномъ. Жизнь, какъ и всегда, идетъ

даже далѣе начертаній теоріи. Яснымъ доказательствомъ того служатъ кружки революціонеровъ-нигилистовъ съ ихъ отталкивающей распущенностію и нравственною грязью, съ царствующимъ во взаимныхъ отношеніяхъ неограниченнымъ деспотизмомъ сильнѣйшаго. Дѣявія фанатиковъ соціализма, иногда слѣпо, до самозабвенія подчиняющихся велѣніямъ своихъ вожаковъ и часто, при неудачѣ своихъ замысловъ, оканчивающихъ свою бурную жизнь самоубійствомъ, ясно указываютъ, къ чему ведетъ фальшивая увѣренность въ произвольности дѣйствій человѣка, отождествленіе его стремленій и цѣлей съ потребностями и стремленіями животнаго. Дѣйствія соціалистовъ—лишь отрывочныя (и преходящія при настоящемъ порядкѣ вещей) проявленія того состоянія, въ какомъ очутилось бы человѣчество, если бы задумало жить по идеямъ, рекомендуемымъ ему матеріалистами,—того царства погибели и разрушенія, которое неминуемо наступитъ съ изгнаніемъ изъ души человѣка принциповъ и вѣрованій, которые внесены въ жизнь человѣчества христіанствомъ, которыми еще и доселѣ живетъ и движется современное общество. Соціализмъ, можно сказать,—последнее слово и заключеніе *последовательнаго* матеріализма. Эта школа убійствъ и злодѣяній, адепты которой на стыдъ и горе человѣчеству расфѣяны во всехъ странахъ Европы, является результатомъ стремленія поскорѣе осуществить на практикѣ воззрѣнія матеріализма. „Государство можетъ имѣть въ виду только одну разумную цѣль—доставлять своимъ гражданамъ наибольшую, по возможности, сумму наслажденій,—пишетъ одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ и беззащитчивыхъ матеріалистовъ. Но такъ какъ при теперешнемъ государственномъ устройствѣ, только немногіе богатые люди могутъ удовлетворить своимъ желаніямъ наслажденій, народъ же или большая масса гражданъ должна работать за весьма малое наслажденіе или даже и вовсе лишаясь его, то и предстоитъ во что бы то ни стало разрушить настоящій порядокъ и установить систему, которая давала бы каждому возможно большее количество наслажденій“ (Руге, „Матеріалы...“ стр. 98). Соціалисты и выполняютъ эту разрушительную программу. Прикрываясь фирмою общаго блага, они стараются сплосу перестроить общество согласно своимъ планамъ.

Запутывая робкихъ, опутывая своими сѣтями неопытныхъ, думаютъ на всеобщемъ горѣ и несчастіи основать свое личное благо и счастіе. Немногочисленные и не сильные сами по себѣ, они сильны потворствомъ и послабленіемъ, которое оказывается имъ со стороны ихъ негласныхъ единомышленниковъ — людей, забывшихъ о Богѣ и Его заповѣдяхъ, и только по недостатку послѣдовательности и смѣлости не рѣшающихся вступить въ ряды анархистовъ.

Ив. Свирцовъ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки